

ВЕСТНИК

РУССКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
АКАДЕМИИ

2009
том 10
выпуск 3

*Издается
с 1997 г.*

Научный журнал

*Выходит
4 раза в год*

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург

Журнал является научным изданием
Русской христианской гуманитарной академии.
Издается с 1997 г. С 2009 г. выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Д. В. Шмонин

Зам. главного редактора

А. А. Ермичев

Редакционная коллегия:

Е. Г. Андреева, Д. К. Бурлака, Т. В. Ермакова, К. Е. Нетужилов,
П. Ю. Нешитов (*отв. секретарь редколлегии*), О. Е. Иванов,
М. В. Руднева, Р. В. Светлов, Т. Ф. Фадеева, А. А. Хлезов

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.
2009. Том 10. Вып. 3.— СПб.: Изд-во РХГА, 2009.
ISSN 1819–2777

Печатается при финансовой поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ВТОРЫХ ВОСТОКОВЕДНЫХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ О. О. РОЗЕНБЕРГА (РХГА, 11–12 ноября 2008 г.)

Из истории российского востоковедения

Воробьева-Десятовская М. И. «Великие географические открытия» русских ученых в Центральной Азии	7
Рудой В. И. Вклад классиков Санкт-Петербургской буддологической школы в теорию источниковедения: подходы, методы и методики	23
Ермакова Т. В. Вклад учеников академика ф. И. Щербатского в развитие буддологических исследований	39
Четырова Л. Б. Буддизм в России: прошлое и настоящее	50

Философия и культурология Востока

Колесников А. С. Возможна ли интеркультурная философия?	59
Бурмистров С. Л. Учение Сурендранатха Дасгупты о культуре	71
Островская Е. П. Комплексное исследование «Абхидхармакоши»: реконструкция категорий буддийской культуры (1980–2000-е годы)	84
Харькова Е. Ю. Десять классических наук в тибетобуддийской культуре	97
Кий Е. А. Дискуссия об инфернальных формах существования в «Вимшатике» Васубандху	109

Религиозные традиции Дальнего Востока

Рысаков А. С. Конфуцианство как духовная традиция	120
Толстоулаков И. А. Модернизационные мотивы в деятельности корейского религиозного общества Тонхак	131
Филонов С. В. «Хочу служить я шидичэнем в Рассветном дворце императорском...» (некоторые аспекты даосской концепции <i>сяня-небожителя</i>)	141

Общественная мысль и практика в странах Востока

Шомахмадов С. Х. Буддийская концепция власти согласно теократической доктрине Нитирэна	155
Лепехов С. Ю. Буддийская цивилизация и парадигма открытого общества	161
Прокуденкова О. В. Институционализация русско-индийских культурных связей во второй половине XIX — начале XX века	173
Островская Е. А. Транснациональная буддийская коммуникативная сеть: менеджмент религиозного конфликта	185

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Шугуров М. В.</i> Научная рациональность и христианская мистика: от дивергенции к диалогу	198
<i>Емельянов В. В.</i> Уровни реконструкции древней религии (на примере Месопотамии)	215
<i>Кикнадзе Д. Г.</i> «Чудо, сотворенное святым отшельником»: рассказ из памятника средневековой литературы XIII века «Рассказы, собранные в Удзи»	222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Платонополис — 2009 (<i>П. Нешитов</i>)	228
Историко-методологический семинар «Русская мысль» на базе Русской христианской гуманитарной академии (<i>Н. Румянцева</i>)	230
Современный философский журнал «Хора» (Курск)	233
Памяти Валерия Исаевича Рудого	235
Наши авторы.	238
Аннотации.	240

Д. Г. Кикнадзе

**«ЧУДО, СОТВОРЕННОЕ СВЯТЫМ ОТШЕЛЬНИКОМ»:
РАССКАЗ ИЗ ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XIII века «РАССКАЗЫ, СОБРАННЫЕ В УДЗИ»**

Буддийская словесность отличается необычайным жанровым разнообразием. Помимо литературы сутр и философских трактатов, она представлена множеством произведений, по видимости, далеко отходящих от основных понятий буддийской доктрины, но зато популярных среди простого народа. Предлагаем вниманию читателей рассказ из произведения XIII в. «Удзи суй моногатари» (Рассказы, собранные в Удзи), относящийся к средневековому жанру сэцува, и комментарий к нему.

«Давным-давно жил-был отшельник, которого звали Пречистая Добродетель. Случилось так, что матушка его скончалась. Тогда уложил он ее в гроб и один-одинешенек отнес на гору Атаго¹. Расположив валуны по форме четырехугольника, он поставил поверх гроб, а сам, не зная ни сна, ни отдыха, не вкушая пищи и воды, непрерывно творил молитву Тысячерукой Каннон². Так, не отходя от гроба, он провел три года.

В тот год, весной, во сне ли, наяву ли, неясно услышал он голос матери: “Поскольку и днем, и ночью творил ты молитву Тысячерукой Каннон, то вскоре переродилась я в юношу³ и возродилась на небесах. Но, хоть я и собиралась сообщить о том, что стала такой же, как Будда, — до сих пор не давала о том знать. Теперь же извещаю тебя о том!”

Услышав сие, так он молвил: “Так я и думал! Видимо, теперь изволила она стать Благоуханным!”⁴ — вынул останки из гроба, сжег там же, собрал кости и предал земле, а сверху возложил каменное надгробие.

¹ Находится в северо-западной части Киото. Являлась излюбленным местом паломничества и отшельничества верующих.

² Тысячерука Каннон (санскрит — Авалокитешвара) — один из основных бодхисаттв в буддизме Махаяны. Всемилостивый спаситель всего сущего. В Японии представлен в виде женщины.

³ По буддийским представлениям, женщина не могла стать буддой. Для этого она должна была переродиться в мужчину, что и произошло с матерью отшельника, благодаря его усиленным молитвам.

⁴ Благоуханный — один из эпитетов Будды.

Совершил он священный обряд, а по дороге из столицы, в западной стороне было местечко, где в весьма большом количестве росла капуста. Отшельник был утомлен и так хотел есть, что по пути вырвал из земли эту капусту и давай уминать за обе щеки, да не тут-то было — хозяин поля не заставил себя долго ждать. Глядит — такой достопочтенный отшельник, а выдернул капусту и улетаает за обе щеки! Хозяин изумленно вопрошал: “Отчего же Вы ее так едите?!” На то отшельник отвечал: “Утомлен и изнемогаю от голода, оттого и ем так!” — тогда хозяин молвил: “Ну раз так, хоть Вы и поели, — извольте есть столько, сколько Вам угодно”, и тогда отшельник выкопал капусты с 30 грядок и с жадностью съел. Этой капустой было засеяно 3 тѣ⁵, но так как он все съел, изумленный хозяин, желая посмотреть что же будет дальше, сказал: “Если голодны — съешьте сколько Вам заблагорассудится”, на что тот, поблагодарив, ползком передвигаясь по полю, продолжал выдергивать капусту, да съел все подчистую!

“Ну и прожорлив этот отшельник!” — подумал про себя хозяин и предложил: “Извольте немного подождать — я приготовлю еду и угощу Вас”. Сварил он 1 коку⁶ белого риса, накормил беднягу, и, промолвив: “Ведь я долгие годы ничего не ел и обессилел”, — съел все до последней рисинки и пустился в путь.

Хозяин поля посчитал этого человека чудачком и рассказал о том людям, а когда людская молва дошла до самого Правого Министра, тот призадумался: “Отчего же такое могло случиться? Это необходимо разузнать! Давайте-ка я позову и угощу его!”.

“А что, если попробуем позвать его под видом трапезы по случаю обращения в веру?!” — молвил Министр и, когда его позвали, чудак-отшельник явился.

Пришедших вслед за ним голодного грешника, звероподобного чудуица, тигра, волка, собаку, ворона и уйму всяких птиц и зверей, кроме отшельника обычные люди лицезреть не могли — одному Министру дано было их увидеть. “Я так и знал, что он необычный отшельник! Чудесно!” — подумал он и поэтому повелел отварить 10 коку белого риса, поставить на новые соломенные циновки деревянные подносы, кадки, ящички и подобную утварь, выстроить в ряд и накормить.

Когда отшельник стал кормить стоящих позади себя существ — они, сгрудившись вокруг него, протягивали лапы и съели все подчистую. Отшельник же, не отведая и рисинки, радостный вышел оттуда. “И все-таки он — человек! Сам Будда сменил свой лик и пожаловал сюда!” — порешил Министр. Так как остальные могли лицезреть лишь самого отшельника, евшего рис, — они решили, что это действительно неприятное явление.

Итак, выходя из столицы, на улочке, что к северу от 4-й линии, отшельник испражнил. Поскольку это наделали существа, шедшие за ним, то были испражнения черные, словно тушь и падавшие вдали [от отшельника], а потому даже люди из самых низов, почувствовав себя оскверненными [этими нечистотами], назвали ту улочку “Загаженной” улицей. О том изволили известить императора, а когда он спросил, как зовется южная сторона 4-я линии, ему ответили, что зовется она “Крапчатой” улицей, на что Его Высочество ответил: “Так пусть она зовется “Парчовой”! Уж слишком грязное прежнее [название]!”

Поэтому и переименовали ту улочку в “Парчовую”!»⁷

⁵ Тѣ — мера площади (прим. 3,3 кв. м.).

⁶ Коку — мера объема (прим. 180 л.).

⁷ Удзи суй моногатори (Рассказы, собранные в Удзи). (Нихон котэн бунгаку дзэнсю. Т. 50).— Токио, 1996.

Представленный на суд читателей рассказ из произведения XIII в. «Удзи сю: й моногатари» (Рассказы, собранные в Удзи) — отнюдь не сказка или развлекательное чтение. Созданный в рамках буддизма, он относится к средневековому литературному жанру сэцува, целью которого было прежде всего распространение буддизма среди простого населения. Произведений подобного рода было создано немало, но, хоть они и отличаются друг от друга содержанием, компоновкой, объемом, героями и сюжетами, идея таких сборников едина — на примере добра и зла показать силу и милосердие Будды и бодхисаттв, святых отшельников и монахов; утратить грешников картинами буддийского ада, ужасными описаниями адских пыток, прижизненным возмездием за пренебрежение заветами Будды.

Подобные произведения записывались поначалу монахами, входили в состав сборников и зачитывались в качестве проповеди в храмах. Устрашающие, нелепые, чудесные, забавные, а порой и пошлые — они несли дидактический характер, при этом, обладая поразительным свойством психологического воздействия на грешника, который приободрялся после подобной «терапии», хоть и незадолго до проповеди, отягощенный собственной греховностью, уже не надеялся на прощение и милость Будды.

В каждом рассказе «Удзи сю: й моногатари» прослеживается четкое деление на «верх» и «низ»: бодхисаттва и представитель «низшего» мира, отшельник и мирянин, праведник и грешник, богач и бедняк, аристократ и плебей, мудрец и простака.

В представленном рассказе также есть и светлые, и темные силы. В первую очередь хотелось бы обратить внимание читателя на две основные бодхисаттвы, фигурирующие в этом рассказе. Одна явно — Тысячерукая Каннон, а другая образно, незримо — Дзидзо.

С именем последней связано упоминание горы Атаго, на которую отнес тело своей покойной матери отшельник. Эта гора считается мистической обителью бодхисаттвы-махасаттвы⁸ Дзидзо (санскр. Кшитигарбха). Почему же отшельник отнес тело именно на гору Атаго? Здесь уместно вспомнить о роли и предназначении Дзидзо в буддийском пантеоне. Насколько известно, обет, данный Дзидзо, заключался в отказе от становления Буддой, пока не будут спасены все живые существа. Бодхисаттва являлся на помощь в совершенно разных обликах в критические моменты жизни человека, непосредственно перед самой смертью; он — спаситель грешников из ада, сомневающихся живых людей, даже после того, как они услышали истинное учение Махаяны; позже Дзидзо приписывали возможность спасения и женщин. Обладая сведениями о функции Дзидзо в жизни человека, нам становится более понятны действия святого отшельника: в надежде на спасение своей матери и перерождение в раю он отнес ее тело на гору Атаго — обитель Дзидзо, как спасителя грешников и, ко всему прочему, женщин. Однако поражает безграничная сыновья любовь и усердие в посте и молитве, хотя в рассказе нет сведений об образе жизни покойницы. Да и составителя рассказа интересовал вовсе не этот момент — акценты смещены и расставлены иначе, тем не менее отголосок этой истории прослеживается в одной из наиболее почитаемых сутр в буддизме Махаяны — «Сутре основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи». В первой главе мы встречаем историю некой благочестивой девушки-брахманки, чья

⁸ Бодхисаттвы-махасаттвы — великие личности, в течение многого времени предававшие тяжелым йогическим практикам. Они наделены мощными сверхъестественными способностями, превышающими силу обычных бодхисаттв и будд. Помогали верующим как в самосовершенствовании в вере, так и в мирских делах.

мать, однако, осмеивала и порицала Три Драгоценности, то верила, то отпадала от веры. После смерти матери дочь забеспокоилась об участи нечестивой, но в тонком сне ей дано было понять, что мать ее была низвергнута в ад и терпела ужасные муки. Желая спасти ее, дочь продала отчий дом, купила цветов и благовоний, совершила различные подношения, благодаря чему не только ее мать, но и множество других злодеев сумели переродиться на небесах. С тех самых пор благочестивая девушка поклялась Будде и впредь спасать от страданий всех живых существ, погрязших в грехах. Девушка та и есть бодхисаттва Кшитигарбха.

Учитывая аналогичный сюжет нашего рассказа, можно полагать, что отшельник руководствовался теми же побуждениями, что и девушка-брахманка, ставшая бодхисаттвой Кшитигарбхой. Он, повторив путь Дзидзо, не только смог помочь матери спастись, но и сам стал бодхисаттвой, способным спасать всех грешников.

Прототип отшельника, проявившего сыновнюю почтительность к покойной матери, встречается еще в одной сутре — «Сутре об улламбане». Содержание Сутры касается обряда почитания предков О-бон — одного из наиболее почитаемых годовых японских праздников. Он приходится на пятнадцатый день седьмого или восьмого месяца по лунному календарю. Это день поминовения умерших и благодарности живым родителям. Важен в этом празднике и мотив единения семьи и местной общины при посещении родовых могил. Наставление об обряде О-бон содержится в «Сутре об улламбане». По-японски название сутры звучит как Урабон (с санскрита — «переправа», «переход») или сокращенно О-бон. Сутра стала известна в Японии достаточно рано — первое летописное сообщение о ее чтении во всех храмах страны относится к 659 г., а сам обряд Урабон впервые был проведен еще раньше, в 606 г.⁹

По учению Будды, посмертная участь зависит не только от собственных деяний умершего, но и от действий его потомков. Совершая различные добрые поступки, человек может передать их благие последствия своим покойным родителям и другим предкам, чтобы облегчить их страдания в дурных мирах. О том, как осуществить такую передачу, как раз и говорится в «Сутре об улламбане».

Собеседник Будды Шакьямуни в этой сутре — Маудгальяна, почитаемый как один из ближайших учеников Будды. В Китае и Японии Маудгальяна стал известен прежде всего как пример почтительного сына: хотя он и стал монахом-странником, но первым, о чем он задумался после обретения чудесных способностей, была посмертная участь его матери.

«Так я слышал. Однажды Будда пребывал в стране Шравасты, в саду благодетеля учеников и одиночек. Великий Маудгальяна впервые обрел шесть способностей и пожелал переправить на тот берег своих отца и мать, чтобы воздать им, бережно растившим его, за их благодеяния. И тогда он оком Пути оглядел миры и увидел, что его покойная мать возродилась в мире голодных духов: не видит там ни питья, ни пищи, иссохла до кожи и костей. С жалостью и болью Маудгальяна наполнил чашку едой и отправился передать ее матери. Мать приняла чашку левой рукой, а правой взяла немного еды. Но как только она поднесла пищу ко рту, та превратилась в горящие уголья, и их нельзя было есть. Маудгальяна громко вскрикнул, заплакал от жалости и поспешил вернуться к будде и сообщить обо всем этом»¹⁰. Тщательной молитвой,

⁹ Синто — путь японских богов. Очерки по истории синто. В 2 т. Т. 1.— СПб., 2002.— С. 498.

¹⁰ Сутра об улламбане / пер. с канбуна Н.Н. Трубниковой. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Urabon.htm>.

подношениями и прочими благодеяниями почтительный сын сумел даровать спасение своей грешной матери. Судя по превращению еды в горящие уголья, которые невозможно было есть, — мать Маудгальяяны после своей смерти попала в Мир голодных духов-прета. То есть отныне душа ее была обречена на неутоляемый голод.

Переключка с вышеизложенным представлена как раз в следующем пассаже нашего рассказа, повествующем о странном неумном аппетите отшельника после окончания его отшельнического периода и шествии за ним гнусных представителей ада. Безусловно, этот отрывок требует объяснения.

В буддийском загробном мире, или Мире Низших Духов, насчитывается три дурные формы существования — ады, мир животных, мир голодных духов-прета. Мир претов (голодных духов) связан с острой жаждой, которую никак нельзя удовлетворить. Голодные духи не могут насладиться едой или питьём, их изображают как уродливых существ с тонкой шеей, через которую они не могут пропустить пищу. Иначе говоря, это состояние, когда существование человека определяется рядом низменных желаний. Вот причины попадания в этот мир: гурманство, убийство животных ради потребления их мяса в пищу, эгоизм, стремление к личной выгоде, продажа вина, разбавленного водой, приобретение обманным путем вещей, вырубка деревьев.

В буддизме Хинаяны претами считаются духи умерших людей, ведших греховный образ жизни или умерших нечистой смертью. «Так, в злого духа могут превратиться старик или старуха, заброшенные своими детьми, умирающие в одиночестве, в тоске и отчаянии. В прету, считается, может превратиться покойник, если не удовлетворит его выполнением всех полагающихся погребальных обрядов и этим не дать его душе возможности уйти из дома; тогда он может остаться существовать в образе злого духа на месте своей смерти»¹¹.

По верованиям сингалов, коренного населения Шри-Ланки, у претов есть срок существования — 10 лет. Обычно их рисуют уродливыми: либо с очень длинными, либо чрезмерно короткими конечностями, огромными животами, длинными висящими языками и очень узкими глотками. Преты обитают и среди живых, запугивают их, либо, в редких случаях, душат. В представлениях сингалов преты связаны и с понятием ада, где они терзают грешников, совершивших преступления в своей человеческой жизни.

Истории про претов нашли свое отражение в сингальском фольклоре.

В рассказе также упоминаются животные, шедшие вслед за отшельником и кормящиеся благодаря ему. Это тигр, волк, собака, ворон и другие птицы и звери, которые представляют собой существ из Мира животных, безнадежно томящихся в этом одном из самых низших миров. Животное само по себе является глупым, тупым, алчным, хищным существом. Животные постоянно страдают, живут впроголодь и вынуждены всё время бороться за выживание: дикие, они уничтожают слабых, сами же страдают от нападения и истребления сильнейшими, тем самым загрязняя свою карму и обрекая себя на вечные муки после своей смерти, будучи не в состоянии что-либо изменить в этом круговороте. Одомашненные же страдают в силу своей глупости и злонамеренности своих хозяев, которые не считаются с их чувствами, желанием жить, размножаться и выкармливать детенышей. Людям они нужны ради мяса, молока, шкур, шерсти, пера и т. п.

Считается, что переродившемуся в Мире животных грешнику трудно помочь спастись, а потому следует при жизни помнить Закон Будды и усердно молиться

¹¹ Краснодембская Н. Г. Будды, боги, люди и демоны. — СПб., 2003. — С. 153.

за представителей низших миров, а животных и насекомых не истреблять и не обрекать на мучения, памятуя о том, что они могут быть нашими предками.

В представленном на суд читателей рассказе стоит обратить внимание на культ гор, связанный с похоронным обрядом. Обителью мертвых считались горы и моря — места, граничащие с поселениями живых. Горы вообще почитались как священные, а потому и запретные места, в которые могли безбоязненно подниматься лишь чистые душой и телом люди. Порой местное божество могло воспрепятствовать восхождению еще не подготовленного к тому человека.

Горные погребения были распространены в Японии еще издревле, а с перенятием буддийского обряда сожжения тел пепел похоронных костров также стали хоронить на горных склонах. Обряд кремации тела был заимствован из Индии, однако в старину люди относили тела в горы и оставляли их там, а душе покойника устраивали «духовную» могилу в виде деревянного столба или каменного фонаря¹². Позже японцы поняли, что наилучшим способом погребения является кремация. Несмотря на то, что изначально синтоизм не предполагал такого обряда, с распространением буддизма эти две религии соединились в ритуале перехода покойного в загробный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодхисаттва ада. Сутра основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи / пер. с китайского и комментарии Д. В. Поповцева. — СПб., 2002.
2. Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма. — СПб., 1994.
3. Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. — М., 1988.
4. Краснодембская Н. Г. Будды, боги, люди и демоны. — СПб., 2003.
5. Мещеряков А. Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. — М., 1987.
6. Свиридов Г. Г. Японская средневековая проза сэцува. — М., 1981.
7. Синто — путь японских богов. Очерки по истории синто. В 2 т. Т. 1. — СПб., 2002.
8. Сутра об уламбане / пер. с канбуна Н. Н. Трубниковой. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Urabon.htm>.
9. Удзи суй моногатари. (Рассказы, собранные в Удзи) (Нихон котэн бунгаку дзэнсю. Т. 50.) — Токио, 1996.

¹² Синто — путь японских богов. С. 498–499.